

КНИГА ПРОРОКА ИОНЫ.

Свѣдѣнія о пр. Ионѣ. Свѣдѣнія о пр. Ионѣ, какъ о большинствѣ ветхозавѣтныхъ боговдохновенныхъ писателей, отличаются большою скудостью. Книга, надписываемая его именемъ, подробно сообщаетъ объ его дѣлѣ—посольствѣ и проповѣди въ Ниневію, о немъ самомъ ограничивается замѣчаніемъ, что онъ былъ „еврей, чтила Богъ небснаго, сынъ Амитаѣ“ (слав. Амаѣи). Цѣнное восполненіе къ этимъ свѣдѣніямъ даетъ 4-я книга Царствъ. Сообщая о расширеніи предѣловъ Израильскаго царства при Іеровоамѣ II-омъ, она замѣчаетъ, что это совершилось „по глаголу Господа Бога Израилева, его же глагола рукою раба своего Ионы, сына Амаѣина, пророка, иже отъ Геааховера“ (XIV, 25). Это замѣчаніе рѣшаетъ для насъ важный вопросъ о времени жизни и мѣстѣ дѣятельности пр. Ионы. Родомъ изъ Геааховера, онъ, значитъ, происходилъ изъ Завулонова колѣна, въ которомъ былъ этотъ городъ (I. Нав. XIX, 13) и принадлежалъ къ пророкамъ Израильскаго царства. Его имя связывается съ царствованіемъ Іеровоама II, который воцарился въ 835-мъ г. до Р. Хр. и занималъ израильскій престолъ 41 годъ (4 Цар. XIV, 23). Войну съ Сиріей, результатомъ которой по предсказанію Ионы было расширеніе границъ Израильскаго царства, слѣдуетъ отнести къ началу царствованія Іеровоама II, такъ какъ она начата была еще его предшественниками (Іоахазомъ и Іоасомъ) и имъ лишь славно закончена. Отсюда и жизнь пр. Ионы нужно отодвигать къ болѣе раннему времени. Если пророчество Ионы исполнилось въ началѣ царствованія Іеровоама II, то произнесено оно было, конечно, раньше, еще въ предшествующее царствованіе Іоаса. Этому царю пр. Елисей предъ смертію предсказалъ, что онъ побѣдитъ Сирійцевъ, только „не до скончанія“ (4 Цар. XIII, 14—20). Пророчество Ионы объ *окончательной* побѣдѣ надъ Сиріей и возстановленіи древнихъ границъ Израильскаго царства является такимъ образомъ продолженіемъ и дополненіемъ пророчества Елисея и произнесено было, вѣроятно же всего, тому же самому Іоасу въ утѣшеніе. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что пр. Иона жилъ въ половинѣ IX в. до Р. Хр.; значитъ по времени своего служенія онъ былъ самымъ древнимъ изъ пророковъ, оставившихъ намъ свои писанія. Онъ былъ младшимъ современникомъ Елисея и даже, можетъ быть, пр. Или и ихъ преемникомъ по пророчеству. Іудейское преданіе не безъ основанія считаетъ его ученикомъ пр. Елисея, получившимъ воспитаніе въ тѣхъ пророческихъ школахъ,

которыя были основаны Илією (4 Цар. II, 2—6; VI, 1—8); оно отождествляетъ его съ тѣмъ стремительнымъ юношею, котораго Елисей послалъ помазать на царство Иуя (4 Цар. IX, 9—11). Другое преданіе, передаваемое бл. Иеронимомъ, считаетъ пр. Иону сыномъ сарептской вдовы, воскрешеннымъ Илією (3 Цар. XVII, 17—23). Эти преданія, устанавливающія связь Ионы съ великими израильскими пророками—Илією и Елисеємъ, приняты православною церковію и включены въ службу этому пророку на 22 сентября. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о дѣятельности пр. Ионы мы не имѣемъ, кромѣ разсказа его книги о проповѣди въ Ниневіи. Другія мѣста Библии, въ которыхъ упоминается объ Ионѣ (Товитъ XIV, 8; 3 Макк. VI, 6; Мф. XII, 46; Лк. XI, 30—32), только утверждаютъ этотъ фактъ. О концѣ жизни пророка и его смерти мы узнаемъ изъ преданія. По одному изъ нихъ, пр. Иона послѣ проповѣди въ Ниневіи остался жить тамъ до конца своей жизни, тамъ и умеръ. Его гробница до сихъ поръ указывается на высокомъ холмѣ близъ селенія Мозуля, гдѣ открыты развалины Ниневіи. По другому преданію, Иона возвратился изъ Ниневіи и умеръ на своей родинѣ въ Гевахверѣ. И здѣсь, какъ и близъ Ниневіи, находится чтимая гробница пророка. Послѣдняя версія о смерти пр. Ионы подтверждается словами 3 кн. Маккавейской, что „Иону послѣ пребыванія его во чревѣ кита морского „Богъ показалъ невредимымъ всѣмъ приснымъ“ (VI, 6). Значитъ въ отечество онъ возвратился.

О существѣ и происхожденіи книги пр. Ионы. Вопросъ о существѣ книги пр. Ионы въ экзегетической литературѣ рѣшается неодинаково. Самое древнее мнѣніе, опирающееся на прямое свидѣтельство библейскаго текста, считаетъ книгу пр. Ионы историческимъ повѣствованіемъ, передающимъ разсказъ о дѣйствительныхъ событіяхъ и лицахъ. Другое мнѣніе, развиваемое и широко аргументируемое въ критической литературѣ, не признаетъ книгу Ионы подлинной исторіей, потому что многое въ ней представляется необычайнымъ, непонятнымъ по своей чудесности и невѣроятнымъ исторически. Защитниками втораго мнѣнія книга пр. Ионы считается въ той или другой мѣрѣ вымышленнымъ произведеніемъ. Одни видятъ въ ней разсказъ о бывшемъ пророку видѣніи, другіе считаютъ ее апологомъ, аллегоріей или притчей, разсказанной съ нравоучительною цѣлью, третьи принимаютъ ее за легенду, изукрашившую простой и естественный фактъ чудесными и невѣроятными подробностями. Мы не будемъ останавливаться на томъ, насколько удачно сближеніе книги пр. Ионы съ указанными выше литературными формами; уже самое многообразіе попытокъ представить книгу Ионы не въ формѣ историческаго разсказа говорить о томъ, что ни одна изъ нихъ вполне не удовлетворяла. Всѣ эти попытки вытекаютъ изъ мысли о невозможности представить разсказанное въ книгѣ Ионы дѣйствительно происшедшимъ событіемъ. При объясненіи текста книги мы постараемся устранить затрудненія къ историческому пониманію

ея, а теперъ приведемъ свидѣтельства постороннія ей въ пользу историческаго ея характера.

Самое древнее свидѣтельство въ пользу историческаго характера книги Іоны мы находимъ въ книгахъ Товита и 3-й Маккавейской. Въ нихъ засвидѣтельствовано историческое пониманіе двухъ главныхъ фактовъ книги Іоны, наиболѣе встрѣчающихъ возраженіе, пребыванія пророка во чревѣ кита (3 Макк. VI. 6) и его проповѣди въ Ниневіи (Тов. XIV, 8). Затѣмъ Іосифъ Флавій, передавая въ своихъ „Иудейскихъ Древностяхъ“ (IX кн. II гл.) содержаніе книги Іоны, считаетъ ее за подлинную исторію. Только при историческомъ характерѣ книги Іоны возможно было, что она включена была ветхозавѣтною церковію въ канонъ священныхъ боговдохновенныхъ книгъ; произведеніе вымышленное или искажающее дѣйствительность не могло пользоваться такимъ великимъ уваженіемъ. Вслѣдъ за ветхозавѣтною церковію и древне-христіанская понимала и толковала книгу Іоны въ историческомъ смыслѣ. Она въ данномъ случаѣ слѣдовала непререкаемому авторитету Самого Іисуса Христа. Отвѣчая на требованія фарисеевъ отъ Него чудесь, Онъ сказалъ, что наибольшимъ знаменіемъ для нихъ долженъ служить фактъ пребыванія Іоны во чревѣ кита: „ибо какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три noci, такъ и Сынъ человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три noci“ (Мѡ. XII, 40). Эти слова Спасителя могли имѣть свою убѣдительную силу только въ томъ случаѣ, если онъ говорилъ о дѣйствительномъ фактѣ. Знаменіемъ чуда воскресенія Христова могло быть другое аналогичное ему и непременно историческое (а не вымышленное) чудо. Въ такой же мѣрѣ Спасителемъ засвидѣтельствованъ историческій характеръ и другого событія кн. Іоны—покаяніе ниневитянъ. Онъ сказалъ: „Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его; ибо они покаются отъ проповѣди Іониной и вотъ здѣсь больше Іона“ (Лк. XI, 32). Ставить ниневитянъ примѣромъ отзывчивости на слово Божіе своимъ современникамъ Спаситель могъ только тогда, когда и онъ Самъ и его слушатели принимали рассказъ объ этомъ книги Іоны за подлинную исторію.

Но книга пр. Іоны не только историческое повѣствованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и писаніе *пророческое*. Ея пророчественно преобразовательный смыслъ указанъ въ приведенныхъ выше словахъ Спасителя (Мѡ. XII, 40). Іона своимъ трехдневнымъ пребываніемъ во чревѣ кита пр. образовалъ трехдневное пребываніе Спасителя въ сердцѣ земли. Это главный пунктъ книги, но все же имъ ограничивать весь пророчественный смыслъ книги нельзя, ибовъ такомъ случаѣ все остальное содержаніе ея, кромѣ II-й главы, будетъ совершенно ненужнымъ прибавленіемъ, непонятно для чего рассказаннымъ. Затѣмъ, указанный Спасителемъ прообразовательный смыслъ книги становился понятнымъ только христіанамъ, а не іудеямъ,—между тѣмъ именно іудейская церковь включила ее въ число пророческихъ книгъ. Въ виду всего сказаннаго нужно пророчественный смыслъ и значеніе находить не въ отдѣль-

ныхъ только частяхъ книги, а во всемъ ея цѣломъ, въ основной идеѣ, раскрываемой на протяженіи всей книги. Идея книги та, что спасеніе черезъ покаяніе можетъ быть даровано Богомъ не іудеямъ только, но и язычникамъ. Іегова не національный Богъ евреевъ, а Богъ всѣхъ людей. Θεократія (богоправленіе) распространяется на все человѣчество, въ царство Божіе войдутъ и язычники, потому что путь въ него одинъ для всѣхъ—нравственное усовершенствованіе. Раскрывая эту идею въ историческомъ разсказѣ, книга Іоны приготовляла евреевъ къ усвоенію главной мессіанской идеи о духовномъ и универсальномъ характерѣ царства Мессіи. Въ вѣкъ Іоны эта идея *впервые* такъ ясно озарила религиозное сознаніе евреевъ и, какъ показываетъ примѣръ самого Іоны, усваивалась ими съ большою болѣзненностію, послѣ тяжелой борьбы съ ихъ узко-національными предразсудками. Послѣдующіе пророки вплоть до Іоанна Предтечи продолжали учить о спасеніи всѣхъ людей въ царствѣ Мессіи, т. е. раскрывать основную идею книги Іоны и въ этомъ заключалась главная задача ихъ пророческаго служенія. Такимъ образомъ книга пророка Іоны должна быть признана первою по времени и содержанію пророческою книгою.

О происхожденіи книги пр. Іоны, такъ же какъ и о ея существѣ, представителями критическаго экзегесиса высказываются весьма разнообразныя сужденія. Съ большимъ стараніемъ ищутъ въ книгѣ слѣдовъ ея позднѣйшаго происхожденія и на основаніи этого относятъ время ея написанія—одни къ ассирійскому плѣну, другіе ко времени іудейскаго царя Іосіа или въ періодъ вавилонскаго плѣна, третьи, наконецъ, думаютъ, что она написана въ послѣ-плѣнный періодъ, можетъ быть даже во времена Маккавеевъ. При объясненіи книги мы отмѣтимъ, что тѣ мѣста ея, въ которыхъ видятъ доказательства ея позднѣйшаго происхожденія, въ дѣйствительности не содержатъ въ себѣ такихъ указаній, а теперь остановимся на положительной сторонѣ вопроса. Книгу Іоны знаетъ І. Сирахъ, который говоритъ о двѣнадцати малыхъ пророкахъ (XLIX, 12 ст.), съ ея содержаніемъ знакомъ Товитъ (XIV, 8 ст.). Она не могла быть написана позднѣе 430 г., времени заключенія ветхозавѣтнаго канона, такъ какъ она вошла въ него. По характеру содержанія книги вѣроятнѣе всего предположить, что она написана была самимъ пр. Іоною. Никто кромѣ него не могъ знать и такъ живо изобразить самыя сокровенныя движенія его душевной жизни, при чемъ такія, которыя служили не въ похвалу пророка. Писатель книги несомнѣнно былъ въ Ниневіи, ознакомился съ ея жизнію и нравами. Языкъ изобличаетъ въ немъ израильянина, а не іудея. Правда, объ Іонѣ говорится въ книгѣ въ третьемъ лицѣ, но это—обыкновеніе многихъ священныхъ писателей ставить въ тѣнь свою личность и выдвигать на первый планъ дѣйствіе черезъ нихъ слова Божія.

КНИГА ПРОРОКА ЮНЫ.

ГЛАВА 1-я.

1. И было слово Господне къ Ionъ, | городъ великій и проповѣдуй въ
сыну Амаѳинну: | немъ, ибо злодѣянiя его дошли до
2. „встань, иди въ Ниневiю— | Меня“

I.

(1—2 ст.) Посольство пр. Юны въ Ниневiю, (3 ст.) его попытка уклониться отъ этого посольства и (4—16) наказанiе Божiе за это.

1 ст. „И было“ (vajahij)—такъ начиваются многiя книги В. Зав. (Ис. Н. I, 1; Руоъ, I, 1; Суд. I, 1; 1 Цар. I, 1 и др.) и на основанiи такого начала неправильно дѣлають предположенiе, будто книга пр. Юны представляетъ собою не цѣльное произведенiе, а отрывокъ.

„...слово Господне“—обычное обозначенiе въ Библии божественнаго откровенiя, сообщаемаго именно пророкамъ (Ис. II, 1, LI, 16; Iер. I, 1; II, 1; VII, 1; Iез. I, 3; Ос. I, 1; Соф. I, 1; Мих. I, 1; Аг. I, 3; Зах. I, 9; VII, 7 и др.). Что касается формы этого откровенiя, то на нее въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ указанiй. По аналогiи съ другими мѣстами Библии, въ которыхъ употребляется это выраженiе, можно представлять это слово простымъ внутреннимъ влеченiемъ, которое человекъ сознаетъ не какъ свое собственное, а какъ приходящее къ нему совнѣ, отъ высшей силы, именно отъ Бога. Если, такимъ образомъ, бывшее пр. Ionъ откровенiе не сопровождалось никакими чрезвычайными знаменiями, а происходило всецѣло внутри его, то станетъ удобоопытнымъ, какими образомъ пророкъ рѣшился олушаться „слова Господня“.

„...къ Ionъ, сыну Амiтая“ (слав. Амаѳин). Имя пророка—„Iона“ (отъ глагола jalahъ въ страдат. значенiи—быть угнетаемымъ) по объясненiю блаженнаго Iеронима означаетъ существо угнетенное, стѣнящее, а затѣмъ стонущаго голубя. Сыномъ Амiтая онъ, несомнѣнно, называется по отцу, а не въ нарицательномъ смыслѣ—„сынъ истинны“ (amitai съ евр. знач. истина), какъ это объясняется раввинами (Д. Кимхи, I. Абарбанелемъ), чтобы подтвердить iудейское преданiе, отождествляющее Iову съ сыномъ Сарептской вдовы, воскрешеннымъ пр. Илiей (3 Цар. XVII, 17—23).

2 ст. „Встань, иди въ Ниневiю...“ Посольство еврейскаго пророка съ проповѣдiю въ языческую Ниневiю многимъ кажется событiемъ безрнѣрнымъ въ исторiи еврейскаго профетизма, противорѣчащимъ самому назначенiю пророческаго служенiя, учрежденнаго для охраненiя истинной религiозной жизни въ одномъ еврейскомъ народѣ, а потому даже невѣроятнымъ. Нельзя отрицать, конечно, что ближайшая задача ветхозавѣтныхъ пророковъ состояла въ томъ, чтобы „быть стражами дома Израилева“ (Iез. III, 17), но въ соотвѣстiи съ тѣмъ, что еврейскiй народъ вмѣлъ мировое назначенiе, и пророческое служенiе должно было осуществлять не национальныя только, а в уни-версальныя задачи. И мы можемъ указать не мало примѣровъ того, что слово пророческое

3. И всталъ Иона, чтобы бѣжать | пришелъ въ Иуппію и нашелъ ко-
въ Ѳарсисъ отъ лица Господня, и | рабль, отправлявшійся въ Ѳарсисъ,

было обращено прямо къ языческимъ народамъ и призывало ихъ къ исправленію и участию въ спасеніи. (Ис. XIII—XXIV; Іер. XLVI—LI; Іез. XXV—XXXII; Ам. I, 3—II, 3). Если такъ, то въ посольствѣ Ионы въ Ниневію нѣтъ ничего страннаго, когда другіе пророки пророчествовали объ Египтѣ, Едомѣ, Моавѣ, Сиріи, Вавилонѣ и даже о той же самой Ниневіи (Наум. I—III гл.; Соф. II. 13—15).

„...проповѣдуй въ немъ, ибо злодѣянія его дошли до Меня“. Еврейское „ki“, переведенное въ этомъ стихѣ черезъ „ибо“ (слав. яко, лат. quia), чаще означаетъ не причинную связь, а союзъ дополнительнаго предположенія—„что“. Переводя такъ въ данномъ мѣстѣ, мы получаемъ указаніе на *содержаніе* проповѣди Ионы въ Ниневіи: проповѣдуй, что злодѣянн дошли до Меня. Такимъ образомъ проповѣдь Ионы въ Ниневіи должна была заключать въ себѣ не одно только предсказаніе ея скорой гибели, какъ можетъ показаться на основаніи III, 4, а и обличеніе ихъ злыхъ дѣлъ, несомнѣнно сопровождаемое призывомъ къ покаянію, а слѣдовательно и спасенію. Такъ свою миссію понималъ самъ пр. Иона, почему и бѣжалъ отъ нея, чтобы не быть вѣстникомъ спасенія язычникамъ; равнымъ образомъ и І. Христосъ указываетъ на покаяніе и спасеніе Ниневитянъ, какъ на плодъ слова Ионы (Мт. XII, 42). Данное пониманіе подтверждаетъ и употребленный здѣсь еврейскій глаголъ „кага“, означающій не предсказывать будущее, а проповѣдывать въ широкомъ смыслѣ этого слова, провозглашать, обнародовать то, что повелѣлъ Богъ.

3 ст. „И всталъ Иона, чтобы бѣжать въ Ѳарсисъ отъ лица Господня“. Подъ Ѳарсисомъ, куда бѣжалъ Иона, нужно разумѣть страну, населенную потомками Ѳарсиса, сына Иована (Быт. X, 11). Первоначально потомки Ѳарсиса поселились въ Киликии, гдѣ построили городъ Тарсъ; однако въ данномъ случаѣ нужно разумѣть не близкій къ Палестинѣ Тарсъ, а скорѣе далекую Испанію, главное мѣсто морской торговли финикянъ (Ис. XXIII, 1—14; Іер. X, 9), отъ имени котораго корабли далекаго плаванія назывались Ѳарсійскими (Ис. LXXI, 10; 3 Цар. X, 22). Побужденіемъ для Ионы бѣжать въ Ѳарсисъ было несомнѣнно то, что онъ хотѣлъ этимъ отклонить отъ себя посольство въ Ниневію. Приѣвъ попытку уклониться отъ божественнаго посольства въ исторіи ветхозавѣтныхъ пророковъ — не единственный (Исх. III, 11; IV, 10 13; Іер. I, 6), но онъ является особеннымъ по своимъ мотивамъ и отчасти по формѣ (бѣгство). Пророкъ рѣшалъ не идти въ Ниневію потому, что не хотѣлъ ея спасенія, не хотѣлъ, чтобы это спасеніе совершилось черезъ него. „Потому и я побѣжалъ въ Ѳарсисъ, ибо зналъ, что Ты—Богъ благодѣи и милосердѣи“ (IV, 2), говорилъ онъ въ раздраженіи, когда увидѣлъ, что Ниневія не погибла. Такія мысли и чувства достойны ли ветхозавѣтнаго пророка и мыслимы ли они, какъ черты характера посланника Божія? Чтобы правильно рѣшить себѣ этотъ вопросъ, нужно отрѣшиться отъ той предвзятаго взгляда, по которому библейскіи священныя лица для сохраненія за ними ореола святости представляются намъ въ какой то духовной неподвижности. Нужно помнить, что библейскіе святые—„подобострастные намъ человѣцы“, потому своей нравственной высоты они достигали не сразу, не безъ борьбы и мученій, не безъ зависимости отъ окружающихъ вліяній времени и среды. И пр. Иона былъ человѣкъ своего времени и своего народа. Еврен же тогда вообще думали, что всѣ язычники—враги Іеговы и заслуживаютъ только Его гнѣва въ наказанія. Такое отношеніе къ язычникамъ воспринималъ въ нихъ отчасти самъ законъ въ дѣлахъ отвращенія ихъ отъ всего языческаго. Воплѣтъ естественно, что и пр. Иона до своего призванія думалъ о язычникахъ такъ, какъ думали его соотечественники. Теперь, когда голосъ Божій внутри его призывалъ пророка идти съ проповѣдію покаянія и спасенія къ ниневитянамъ, въ душѣ его происходила глубокая борьба. Онъ долженъ былъ побороть въ себѣ впитанный съ рожденія узкій религиозный націонализмъ, по которому только еврен считались народомъ Божіимъ и усвоить противоположное воззрѣніе, что у Бога милость для всѣхъ, что и язычники призваны и способны усвоить спасеніе Божіе. Безъ проникновенія этимъ убѣжденіемъ

отдалъ плату за провозъ и вошелъ въ него, чтобы плыть съ ними въ Фарсию отъ лица Господа.

4. Но Господь воздвигъ на морѣ крѣпкій вѣтеръ, и сдѣлалась на

морѣ великая буря, и корабль готовъ былъ разбиться.

5. И устрашились корабельщики и зывали каждый къ своему богу, и стали бросать въ море кладь съ,

пророкъ не могъ идти на проповѣдь въ Ниневію, его послушаніе Іеговъ не могло быть автоматическимъ. И вотъ пророкъ не скрываетъ отъ насъ той человѣческой слабости, какую онъ обнаруживаетъ въ этой душевной борьбѣ: безъ чрезвычайныхъ знаменій Божіихъ онъ не могъ перевоспитать себя и потому рѣшилъ „бѣжать въ Фарсию отъ лица Господня“. Такой способъ уклоненія отъ посольства Іона избралъ вѣроятно потому, что полагалъ, что за предѣлами обѣтованной земли, какъ мѣста особеннаго присутствія Божія („лица Божія“ ср. Быт. IV, 14, 16), онъ уже не будетъ слышать въ себѣ призывающій его на проповѣдь язычникамъ голосъ.

Православная церковь въ своемъ пѣснопѣніи дополняетъ сдѣланное замѣчаніе о мотивахъ бѣгства пр. Іоны тѣмъ, что пророкъ бѣжалъ „дабы пророчеству не солгаться“ (канонъ Андрея Критскаго). Значить, пр. Іона не надѣялся на искренность и прочность раскаянія язычниковъ и думалъ, что, получивъ спасеніе за множественное раскаяніе, а затѣмъ вернувшись снова къ своимъ грѣхамъ, они будутъ смѣяться надъ не исполненнымъ надъ ними пророчествомъ, глумиться надъ безсиліемъ еврейскаго Бога и оскорблять Его. Такимъ образомъ бѣгство пророка было не сознательнымъ противленіемъ волѣ Божіей, а обнаруженіемъ особой ревности о славѣ Іеговы передъ язычниками.

„...пришелъ въ Іонтію...“ единственную у евреевъ гавань со временъ Соломона. (О ней см. 3 Пар. V 23; 2 Пар. II, 16; 1 Езд. III, 32; 1 Макк. X, 76, XIV, 5).

4 ст. „Господь воздвигъ на морѣ крѣпкій вѣтеръ, и сдѣлалась на морѣ великая буря...“ Буря на Средиземномъ морѣ и особенно у береговъ іонпійской гавани—обыкновенное явленіе. По свидѣтельству Іосифа Флавія („Объ іудейской войнѣ“ III, 9, § 3) и новыхъ путешественниковъ (де-Сольси, Норова) рейды іонпійской гавани и вообще юго-восточный берегъ средиземнаго моря подвержены дѣйствию вѣтровъ, поэтому здѣсь часто наблюдается волненіе. Въ виду сказаннаго книгѣ пр. Іоны часто дѣлаютъ упрекъ въ избыткѣ чудесности. Говорятъ, что самыя естественныя явленія, какъ поднятіе бури на морѣ и ея прекращеніе (I, 4, 15), поглощеніе человѣка большой рыбой (II, 1), полуденный зной, жгучій вѣтеръ, червь, подтачивающій растенія, (IV, 6—8), происходящія по естественнымъ силамъ и законамъ природы, въ ней представляются, какъ особенныя дѣйствія Божія, совершающіяся по непосредственному велѣнію Божію. Такимъ образомъ для полной естественности явленія необходимымъ считается устранить всякую мысль объ участіи въ жизни природы Бога. Таково, несомнѣнно, распространенное воззрѣніе нашего времени, но не таково релігіозное воззрѣніе на міръ. По нему все совершающееся въ мірѣ по такъ называемымъ законамъ природы и ея силамъ представляется вмѣстѣ съ тѣмъ дѣломъ Бога, правящаго міромъ. Самыя законы природы составляютъ не что либо совершенно отдѣльное отъ воли Божіей, а разсматриваются, какъ выраженіе воли Творца о природѣ. При такомъ пониманіи, нѣтъ ничего страннаго, что человѣкъ и естественныя явленія представляетъ совершающимися по волѣ Божіей и умалчиваетъ о законахъ природы, какъ причинахъ только посредствующихъ. Въ книгѣ Іоны, какъ произведеніи ииѣющемъ релігіозно-нравственное назначеніе, такое умалчаніе болѣе чѣмъ уместно, (хотя въ ней упоминаются и естественные факторы естественныхъ явленій: *вѣтеръ*, производящій бурю, *червь*, подтачивающій растенія). На основаніи этого можно только отмѣтить релігіозность ея автора, а не упрекать въ избыткѣ чудесности и будто невѣроятности рассказа.

5. ст. „И устрашились корабельщики и зывали каждый къ своему Богу“. Корабельщики — не случайные пассажиры корабля, а люди, у которыхъ мореходство было промысломъ, съ евр. *malahijm*—гребцы, весельники. Они несомнѣнно были язычники и происходили вѣроятно изъ финнкійскихъ приморскихъ городовъ. Въ релігіи всѣхъ вообще приморскихъ жителей видное мѣсто занимали боги моря и воды, къ нимъ

корабля, чтобы облегчить его отъ нея; Иона же спустился во внутренность корабля, легъ и крѣпко заснулъ.

6. И пришелъ къ нему начальникъ корабля и сказалъ ему: „что ты спишь? встань, воззови къ Богу твоему; можетъ быть, Богъ вспомнить о насъ, и мы не погибнемъ“

7. И сказали другъ другу: „пойдемъ, бросимъ жеребьи, чтобы узнать, за кого постигаетъ насъ эта бѣда“. И бросили жеребьи, и палъ жеребей на Иону.

8. Тогда сказали ему: „скажи намъ, за кого постигла насъ эта бѣда? какое твое занятіе, и откуда

то естественно корабельщики обращались съ молитвой о спасеніи отъ бушующихъ волнъ. На ряду съ этимъ они не пренебрегали и естественными средствами спасенія: „стали бросать въ море кладъ съ корабля, чтобы облегчить его отъ нея“.

„Иона же спустился во внутренность корабля, легъ и крѣпко заснулъ“. Страннымъ представляется поведеніе пророка: въ то время, когда другіе на кораблѣ въ страхѣ за свою жизнь молятся о спасеніи, онъ идетъ въ трюмъ и спокойно засыпаетъ. Это произошло оттого, что авторъ книги въ данномъ мѣстѣ о послѣдующемъ моментѣ сказалъ раньше предположительно, употребилъ оборотъ *востероу тротероу*, какъ и въ 10 ст. и IV, 5 ст. Въ дѣйствительности пр. Иона для отдыха пошелъ несомнѣнно раньше, чѣмъ случилась буря. Утомленный происходившей въ немъ внутренней борьбой и, можетъ быть, спѣшнымъ путешествіемъ въ Іопсію, успокоившись принятымъ наконецъ рѣшеніемъ, Иона „крѣпко заснулъ“. Весь дальнѣйшій рассказъ книги до II гл. включительно нѣкоторые толковники понимаютъ, какъ бывшее пророку сновидѣніе. Однако въ текстѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для этого предположенія и историческая достоверность рассказа II-ой гл. засвидѣтельствована не менѣе другихъ частей книги. (См. объ этомъ въ Введеніи).

6. ст. Въ этомъ стихѣ не должно смущать то обстоятельство, что кормчій—язычникъ обращается къ иновѣрцу еврею съ просьбой, чтобы онъ молился своему Богу, при чемъ выражаетъ надежду получить отъ Него спасеніе. Язычникъ — почитаетъ на ряду со своими богами признавалъ дѣйствительное существованіе и боговъ другихъ народовъ. Въ частности о случаяхъ признанія язычниками Иеговы, какъ Бога еврейскаго, Библия говоритъ не однократно (4 Цар. XVIII, 25, 33 — 5; Езд. I, 2—3), то же самое мы имѣемъ и въ данномъ мѣстѣ.

7. И сказали другъ другу: „пойдемъ, бросимъ жеребій, чтобы узнать, за кого постигаетъ насъ эта бѣда“... Въ древнее время было распространеннымъ мнѣніемъ, что особенныя чрезвычайныя бѣдствія постигаютъ людей за какіе нибудь великіе грѣхи (Іовъ IV, 8—11; XVIII, 5—21).. Раздѣляя это воззрѣніе, корабельщики и рѣшили, что великая буря постигла ихъ за какой либо чрезвычайный грѣхъ кого либо изъ присутствовавшихъ на кораблѣ. Узнавать виновника бѣдствія они стали посредствомъ жребія. Этотъ обычай существовалъ у многихъ народовъ древности, какъ языческихъ, такъ и у евреевъ, при этомъ тѣ и другіе вѣрили, что не слѣпой случай рѣшаетъ дѣло, а Богъ (или боги) владеть жребіемъ (I. Нав. VII, 14; 1 Цар. X, 20—3; Дѣян. I, 26; Сисерон, De natura deorum, III, 36). „И бросили жребій и жребій палъ на Иону“. Такимъ образомъ квига пр. Ионы даетъ понять, что не только бросавшіе вѣрили, что жребіемъ руководитъ Богъ, но и въ дѣйствительности было такъ.

8. ст. содержитъ въ себѣ рядъ вопросовъ, съ которыми корабельщики обратились къ Іонѣ, послѣ того какъ жребій указалъ въ немъ виновника бѣдствія. Эти вопросы задавались вѣроятно съ разныхъ сторонъ и людьми взволнованными, поэтому въ нихъ нѣтъ строгой послѣдовательности. Перваго вопроса: „за кого бѣда сія?“ въ нѣкоторыхъ кодексахъ нѣтъ (Cod. 115), а въ другихъ (384) онъ стоитъ на полѣ; его слѣдуетъ понимать не какъ вопросъ Іонѣ о какомъ либо третьемъ лицѣ, а въ отношеніи къ нему самому: кто ты такой, скажи? Слѣдующіе вопросы касаются происхоженія пр. Ионы, его рода занятій и ближайшихъ настрѣній (послѣднее ясно изъ добавленія слав. текста:

идешь ты? гдѣ твоя страна, и изъ какого ты народа?"

9. И онъ сказалъ имъ: „я—Еврей, чту Господа Бога небесъ, сотворившаго море и сушу“.

10. И устрашились люди страхомъ великимъ и сказали ему: „для чего ты это сдѣлалъ?“ ибо узнали эти люди, что онъ бѣжитъ отъ лица Господня, какъ онъ самъ объявилъ имъ.

11. И сказали ему: „что сдѣлать намъ съ тобою, чтобы море утихло для насъ?“ ибо море не переставало волноваться.

12. Тогда онъ сказалъ имъ: „возьмите меня и бросьте меня въ море,—и море утихнетъ для васъ, ибо я знаю, что ради меня постигла васъ эта великая буря“.

13. Но эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать къ землѣ,

„камо идети?“) Во всемъ этомъ корабельщики думали найти что либо позорящее Иону и объясняющее имъ, почему жребій палъ на него.

9. „Я еврей, чту Господа Бога небесъ, сотворившаго море и сушу“... Нужно думать, что приведенныя слова составляютъ только начало рѣчи пророка на кораблѣ, затѣмъ Иона чистосердечно разсказалъ о посольствѣ его въ Ниневію и о бѣгствѣ отъ лица Иеговы, какъ это видно изъ 2-ой половины 10-го ст. Случившаяся буря и павшій на него жребій должны были поразить пророка болѣе, чѣмъ остальныхъ на кораблѣ, въ нихъ онъ видѣлъ знаменія безконечнаго величія Божія и своей неправоты; то и другое онъ искренно исповѣдуетъ передъ язычниками, для этихъ послѣднихъ онъ прежде всего выясняетъ, что Богъ евреевъ—есть Богъ вселенной (небесъ, моря и суши), только усвоивъ эту идею, язычники могли понять и все остальное въ его рѣчи: какое касательство Иеговы до Ниневіи и почему страшно ослушаться такого Бога.

10. ст. Передается впечатлѣніе корабельщиковъ отъ рѣчи пророка. „Они устрашились страхомъ великимъ“... „ибо узнали, что онъ бѣжитъ отъ лица Господня“, значитъ ихъ страхъ былъ религиознымъ, передъ Иеговою, они устрашились Его величія и могущества. Несомнѣнно корабельщики почувствовали также, что предъ ними стоятъ не обыкновенный человѣкъ, а избранный Богомъ для полученія откровенія отъ Него, хотя и тяжко виновный передъ Нимъ; это видно изъ всего дальнѣйшаго отношенія ихъ къ пр. Ionѣ. (12—14 ст.).

11. ст. „И сказали ему, что сдѣлать намъ съ тобою, чтобы море утихло для насъ?“ Въ обычномъ случаѣ корабельщики, конечно, знали, какъ надо поступить съ человѣкомъ, который вызвалъ гнѣвъ боговъ и навлекъ великое бѣдствіе, но здѣсь случай былъ особенный. Передъ ними стоялъ не великій грѣшникъ, а избранныкъ Божій, правда возводившій на себя тяжкую вину предъ Богомъ, но они ее едва ли ясно понимали (см. 14 ст.); наказавшій ихъ Богъ Иегова такъ не похожъ на ихъ языческихъ боговъ, что умалостивлять Его обычными въ язычествѣ способами они не рѣшались. Поэтому они обратились къ пророку, чтобы онъ самъ произнесъ судъ надъ собою и указалъ способъ умалостивленія Иеговы.

12. ст. „Возьмите меня и бросьте меня въ море... ибо я знаю, что ради меня постигла васъ эта великая буря“. Въ этомъ отвѣтѣ Ionъ прежде всего ввдно глубокое сознание имъ своей вины предъ Богомъ. Къ силу сознанія своей чрезвычайной виновности онъ и хочетъ быть наказаннымъ чрезвычайнымъ образомъ, на какой указывали буря и жребій: „бросьте меня въ море“. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго браврованія своей жизнію, ни чрезвычайной гордости и самолюбія, по которымъ пророкъ будто бы хочетъ скорѣе умереть, чѣмъ идти противъ убѣжденія на проповѣдь къ язычникамъ, и такимъ образомъ продолжаетъ препираться съ Иеговою „даже до смерти“. Смерть въ волнахъ моря представляется пр. Ionѣ единственнымъ выходомъ, чтобы спасти ни въ чемъ неповинныхъ спутниковъ по кораблю, за которыхъ онъ, несомнѣнно, страдалъ: „бросьте меня въ море и море утихнетъ для васъ“. Въ этомъ случаѣ пророкомъ совершался подвигъ высшей любви къ людямъ (Ioан. XV, 13) и его личность предъ нами во всей своей неизмѣримой высотѣ.

13—15 ст. Корабельщики не сразу исполнили приговоръ Ionъ надъ собою. Сна-

но не могли, потому что море все продолжалобушевать противъ нихъ.

14. Тогда воззвали они къ Господу и сказали: „молимъ Тебя, Господи, да не погибнемъ за душу человѣка сего, и да не вмѣнишь намъ кровь невинную; ибо Ты,

Господи, содѣлалъ, что угодно Тебѣ!“

15. И взяли Іону и бросили его въ море; и утихло море отъ ярости своей.

16. И устрашились эти люди Господа великимъ страхомъ и принесли Господу жертвы и дали обѣты.

чала они старались использовать всё средства, чтобы спасти пророка, высадивъ его на берегъ. Когда это не удалось, они, прежде чѣмъ бросить его въ море, обратились съ горячей молитвой къ Іеговѣ, чтобы Онъ не вмѣнилъ имъ „невинной крови“. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сочувствіе бывшихъ на кораблѣ Іонѣ и ихъ глубокая религіозность. Говорятъ, что въ данномъ мѣстѣ, какъ и далѣе въ рѣчи о ниневитянахъ (III, 5—9), язычники въ книгѣ Іоны идеализированы. Чтò рассказывается о нихъ и само по себѣ невѣроятно, и невѣроятно, чтобы это написалъ Іона или кто нибудь изъ близкихъ къ нему по времени людей, ибо отрицательное отношеніе ихъ къ язычникамъ хорошо извѣстно. Такъ на маломъ фундаментѣ строится большой выводъ о неподлинности книги, ея позднѣйшемъ происхожденіи и неисторическомъ, а легендарномъ характерѣ ея содержанія. Правда, что невѣроятнаго въ томъ, что язычники на кораблѣ оказались не худыми людьми, способными выразить сочувствіе человѣку, который для спасенія ихъ рѣшилъ пострадать одинъ. Что невѣроятнаго и въ томъ, что плаваніе по морю среди опасностей научило ихъ молиться? Но вотъ указываютъ, что молились то они не только своимъ богамъ, а и Іеговѣ, Богу еврейскому (14 ст.). Дѣйствительно, въ употребленіи именъ божіихъ писатель книги Іоны весьма точенъ: когда рѣчь идетъ о Богѣ вообще, какъ Всемогущемъ Творцѣ и Владыкѣ всего, онъ употребляетъ имя Божіе Элогимъ (I, 5, 6; III, 5, 8, 10; IV, 7, 8, 9), а когда говорится о Богѣ въ Его отношеніи къ пророку Іонѣ, какъ Бога еврейскаго народа, онъ именуется Іеговою (I, 1, 3, 4, 9; II, 1, 3; III, 1, 3, IV, 4, 6, 10). Поэтому въ 14 ст., гдѣ стоитъ Іегова, нужно такъ и понимать, что корабельные люди молились Богу еврейскому, Богу Іованиному, потому что просили не вмѣнить имъ смерти Іоны, пророка Іеговы, и странно если бы они объ этомъ просили своихъ боговъ. Если же въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ невѣроятной идеализаціи, а только правда о язычникахъ, то такую правду Іона вполне могъ написать, ибо онъ не боялся говорить ее даже въ виду смерти (12 ст.)

16 ст... „и принесли Господу жертвы и дали обѣты“. Преданіе іудейское говоритъ, что бывшіе на кораблѣ стали потомъ прозелитами іудейства. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Могущество Іеговы они видѣли воочию и исповѣдали его въ своей молитвѣ: „Ты, Господи, сдѣлалъ, что угодно Тебѣ“ (14 ст.); спасенные Имъ (а не своими богамъ) отъ явной смерти, они чувствовали себя обязанными Ему, поэтому и „дали обѣты“. Впрочемъ, текстъ говоритъ только о томъ, что бывшихъ на кораблѣ охватило религіозное воодушевленіе; это послѣ всего происшедшаго не можетъ подлежать сомнѣнію.

ГЛАВА II.

1. И повелѣлъ Господь большому киту поглотить Иону; и былъ Иона

II.

1—11. Поглощеніе пр. Ионы китомъ и молитва Ионы.

1 ст. Фактъ трехдневнаго пребыванія пр. Ионы во чревѣ кита является средоточнымъ пунктомъ его книги, около котораго группируется все остальное ея содержаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ по своему характеру это событіе представляется какъ бы выходящимъ за всякіе предѣлы вѣрѣ. Встрѣчаемое недоумѣніемъ или яростными нападками, оно подвергалось разнаго рода перетолкованіямъ и искаженіямъ едва ли не болѣе всякаго другаго мѣста въ Библии. Въ виду сказаннаго мы остановимся на немъ подробнѣе.

Главныя усилія критики направляются ва то, чтобы представить невозможность факта трехдневнаго пребыванія Ионы во чревѣ кита, какъ дѣйствительно историческаго событія и доказать, что его необходимо считать вымысломъ. Чтобы достигнуть послѣдней цѣли, стараются всю книгу представить вымышленнымъ произведеніемъ съ тою или другою нравоучительною цѣлью и приравниваютъ ее по литературной формѣ то къ притчѣ, то къ апологу (баснѣ), то къ аллегоріи. Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, насколько книга пр. Ионы можетъ быть отождествляема съ указанными выше и встрѣчающимися въ Библии формами творческаго вымысла (объ этомъ см. въ введеніи), мы укажемъ прежде всего на то, что назвать рассказъ о трехдневномъ пребываніи Ионы во чревѣ кита вымысломъ, не значитъ рѣшить вопросъ. Нужно сказать еще, откуда этотъ вымыселъ явился. Вѣдь вымыселъ является не изъ ничего; самая богатая фантазія своимъ образы и картины, лучше сказать—элементы вымысла, беретъ все же изъ дѣйствительности; выдумать что либо такое, что бы въ дѣйствительности не встрѣчалось совершенно ни въ какомъ видѣ и подобіи, нельзя. Означенное положеніе трудно оспаривать, поэтому теорія *чистаго вымысла* за послѣднее время встрѣчаетъ уже мало защитниковъ. Начинаетъ преобладать другой взглядъ, по которому считается необходимымъ поставить содержаніе книги въ то или другое отношеніе къ дѣйствительности, и вотъ, дѣлая эту уступку, рассказы книги Ионы объявляютъ легендой или мифомъ. Въ такомъ случаѣ предполагается, что въ основѣ его лежитъ нѣчто дѣйствительно историческое, какое либо событіе или явленіе, но оно, сохраняясь долгое время въ устномъ преданіи, до такой степени изукрашено и извращено народной фантазіей, что объ этой исторической основѣ сказано только съ трудомъ можно догадываться. Чтобы не быть голословными, защитники указаннаго взгляда дѣлаютъ попытки освободить содержаніе книгъ Ионы отъ позднѣйшихъ наслоеній фантазій и найти ея историческое зерно, при чемъ историческую основу одни указываютъ въ жизни пр. Ионы или вообще въ еврейской исторіи, другіе обращаются за этимъ даже къ сказаніямъ языческимъ. По мнѣнію высказанному еще іудейскими раввинами и затѣмъ протестантскими экзегетами стоитъ только освободить книгу Ионы отъ чудесныхъ подробностей, какъ предъ нами представитъ подлинная исторія. Иона, дѣйствительно, говорятъ былъ посланъ съ проповѣдію въ Ниневію, но ослушался Бога и поплылъ въ Фарсы; во время плаванія, дѣйствительно, случилась буря, но чуда при этомъ никакого не произошло, а просто корабль потерпѣлъ крушеніе, а Иона неожиданно для него спасся. Это кораблекрушеніе и спасеніе понято было Ионой какъ предостереженіе свыше и онъ направился въ Ниневію. Чтобы самый способъ спасенія Ионы представить ближе напоминающимъ рассказъ его книгъ, говорятъ, что Иону спасъ другой корабль, который назывался „Китъ“, на немъ (внутри его) Иона пробылъ трое сутокъ, а затѣмъ былъ высаженъ на берегъ и отправился въ

во чревъ этого кита три дня и три | ночи.

Ниневію, или что послѣ кораблекрушенія Іона ухватился за случайно плававшего на поверхности мертваго кита и ихъ вмѣстѣ потомъ выбросило волнаив на берегъ. Другіе толковники очищаютъ книгу Іоны отъ чудесныхъ элементовъ тѣмъ, что относятъ ихъ къ области сновидѣній: Іона, говорятъ, плывя въ Фаросъ на кораблѣ, заснулъ (1, 5 ст.), случилась буря. Какъ часто во снѣ мы реагируемъ на впечатлѣнія окружающей насъ дѣйствительности, такъ и Іона отъ шума волнъ и качки сталъ и во снѣ видѣть тоже бурю. Чувствуя себя виновнымъ передъ Богомъ, онъ и во снѣ видитъ, что ищутъ виновника бурн, бросаютъ жребій, жребій падаетъ на него, его бросаютъ въ воду, и вотъ страшное чудовище будто его проглатываетъ, но къ удивленію своему, онъ живеть и въ этомъ чудовищѣ и въ отчаянномъ воплѣ молить Бога о спасеніи, тогда чудовище его выбрасываетъ на берегъ. Тутъ Іона просыпается. На морѣ продолжалась еще свирѣпствовать буря, на кораблѣ было смятеніе; это усиливало впечатлѣніе страшнаго сна Іоны и онъ раскаялся въ своемъ неповиновеніи Богу. Кромѣ указанныхъ, существуютъ и другія попытки просто и естественно представить сюжетъ книги Іоны. Намъ нѣтъ надобности приводить ихъ всѣ, мы можемъ ограничиться двумя изложенными, какъ наиболее удачными. Какова ихъ цѣнность и качество опытовъ объясненія книги Іоны? Несомнѣнно, они могутъ подкупать своею простотою и естественностью, но этого недостаточно: упрощенное представленіе факта часто бываетъ его искаженіемъ. Нужно, чтобы эти упрощенія имѣли для себя какое нибудь основаніе, кромѣ простого нежеланія чудесности. А между тѣмъ защитники легендарнаго характера книги Іоны, отвергая ее въ качествѣ историческаго свидѣтеля, никакихъ другихъ основаній въ подтвержденіе своихъ словъ не указываютъ. Такимъ образомъ ихъ опыты по своему представить дѣло являются простыми предположеніями, которыя имъ нравятся. Такихъ предположеній сдѣлано уже много, ихъ можно сдѣлать и еще сколько угодно, но приблизить насъ къ истинѣ, которая одна, они не могутъ.

Неудовлетворительность попытокъ найти историческую основу для книги пр. Іоны въ обстоятельствахъ его жизни заставляетъ многихъ толковниковъ за источниками для нея обращаться даже къ языческой міеологій. Въ этомъ случаѣ чаще всего указываютъ на греческій мнѣ о Геркулесѣ и Гезіонѣ, финкійскій о Персеѣ и Андромедѣ и вавилонскій объ Оаннесѣ. Говорятъ, что книга пр. Іоны, въ особенности же рассказъ о трехдневномъ пребываніи во чревъ кита, есть передѣлка того или другого изъ нихъ. Однако, если мы будемъ сравнивать содержаніе кн. Іоны съ указанными мнѣями, то между ними найдемъ весьма мало общаго. Въ частности въ мнѣи о Геркулесѣ, какъ онъ передается древнѣйшими языческими писателями: Аполлдоромъ, Овидіемъ, Діодоромъ Сицилійскимъ, Гомеромъ (Иліада, XX пс. ст. 144—48) нѣтъ никакихъ подробностей, которыя могли бы дать основаніе для рассказа о поглощеніи Іоны китомъ: борьба Геркулеса съ морскими чудовищами представляется наружною, поединкомъ; затѣмъ, съ греческими мнѣями еврей могли познакомиться не ранѣе времени Александра Македонскаго, а книга пр. Іоны болѣе ста лѣтъ до этого времени вошла уже въ канонъ священныхъ книгъ. Однако самое главное возраженіе противъ всѣхъ попытокъ указать для кн. Іоны міеологическую основу заключается не въ томъ, что между указываемыми мнѣями и содержаніемъ книги пр. Іоны оказывается мало сходства и не въ томъ, что нѣкоторые изъ указываемыхъ мнѣевъ оказываются болѣе позднія сравнительно съ кн. Іоны происхожденія, а въ нравственной невозможности для еврей-писателя пользоваться языческими мнѣями для переработки ихъ въ сказаніе о пророкѣ Іеговы. Хотя еврей и увлекались язычествомъ, но это было увлеченіе формами языческаго культа и легкими языческими нравами, идейной же противоположности между языческимъ многобожіемъ и вѣрой въ Единаго Бога они никогда не забывали. Въ частности писатель книги пр. Іоны твердо вѣруетъ въ единаго Бога, Творца вселенной (I, 9), а языческихъ боговъ считаетъ суетными и ложными (II, 9); какъ же такой человѣкъ, съ идеями и чувствами противоположными всему языческому, могъ взять рассказъ о языческихъ богахъ и переработать его для цѣлей своей религіи.

Послѣ того, какъ попытки указать источники для рассказа о трехдневномъ пре-

быванія Іоны во чреві кита въ народномъ преданіи, изукраившемъ будто бы простое событіе чудесными подробностями, в ъ языческой мнѳологіи оказались несостоятельными, мы утверждаемся въ мысли, что его необходимо считать за повѣствованіе о дѣйствительномъ событіи и стараемся, вѣсколько возможно, уяснить его себѣ.

„И повелѣлъ Господь большому киту поглотить Іону“...

Морское животное, которому Богъ повелѣлъ поглотить Іону, названо въ еврейскомъ текстѣ dag gadol, что значитъ большая рыба. Для обозначенія морскихъ млекопитающихъ животныхъ, не рыбъ, въ еврейскомъ языкѣ употребляются слова: levijatan, tanijm (Іовъ XL, 25; VII, 12; Пс. CIII, 26; Быт. I, 21), но не употребляется слово dag, поэтому въ данномъ случаѣ нельзя думать, что Іова былъ поглоченъ китомъ. Такимъ образомъ падаетъ возраженіе, что чудо поглощенія Іоны противоестественно, такъ какъ у кита очень узкое горло. Что касается греческаго и славянскаго переводовъ, то они употребляютъ слово κῆτος, китъ потому, что тогда съ этимъ словомъ не соединялось понятія объ опредѣленномъ видѣ млекопитающихся животныхъ, а разумѣли вообще морское чудовище, включая сюда и огромную морскую рыбу („чудо рыба—китъ“). Какая рыба поглотила Іону, текстъ не указываетъ, но можно думать, что это была акула. Порода акулъ, называемая squalus carcharias—акула людоедъ, которая водится въ Средиземномъ морѣ, достигаетъ 32 футовъ длины и вполне можетъ проглотить человѣка цѣлкомъ.

...и былъ Іона во чреві этого кита три дня и три ночи“... Выраженіе „три дня и три ночи“ на библейскомъ языкѣ не означаетъ непременно трехъ полныхъ сутокъ (1 Цар. XXX, 12—13; Есе. IV, 15; V, 1), а можетъ означать періодъ времени даже въ 26—28 часовъ (Мѳ. XXVII, 46; Мк. XV, 34; Лк. XX, 43—46), если онъ граничитъ съ концомъ перваго и началомъ третьяго дня. Однако, если мы время пребыванія пр. Іоны во чреві кита ограничимъ 26—28 часами, то и въ такомъ видѣ этотъ фактъ продолжаетъ оставаться чудомъ, т. е. событіемъ, необъяснимымъ дѣйствіемъ однихъ только естественныхъ силъ въ обычномъ порядкѣ. Поэтому Спаситель называетъ это событіе „знаменіемъ“, подобнымъ чуду воскресенія Его послѣ трехдневной смерти, при чемъ пребываніе Іоны во чреві кита сравнивается съ пребываніемъ Спасителя во гробѣ и адѣ. Значитъ, во чреві кита Іона былъ какъ бы погребеннымъ, естественныя условія, въ которыхъ онъ оказался, неизбежно должны были вести его къ смерти, и если онъ остался жить, то только по чрезвычайному дѣйствию Всемогущества Божія.

„Идѣже хощетъ Богъ, побѣждаетъ естества чинъ“. Какимъ способомъ Богъ сохранилъ жизнь Іоны во чреві кита, намъ знать не дано; понять, какъ дѣйствуетъ Богъ въ чудесномъ мы не можемъ, однако разумъ человѣческій не отказывается совершенно отъ попытокъ представить себѣ возможность того или другаго чуда, подыскать для него аналогіи въ естественныхъ явленіяхъ и такимъ образомъ въ своемъ знаніи найти опору для вѣры. Такими, уясняющими чудо пребыванія во чреві кита, аналогіями могутъ быть возвращеніе къ жизни человѣка послѣ пребыванія подъ водою, случаи мнимой смерти (летаргіи) и, наконецъ, девятимѣсячное пребываніе младенца въ утробѣ матери. Изъ приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, прежде всего, что смерть можетъ наступать не сразу, какъ человѣкъ лишится притока воздуха. Правда, отсрочка смерти для человѣка подъ водою бываетъ на короткій срокъ, но важно то, что подобное явленіе уже не становится абсолютно невозможнымъ; а что возможно при естественныхъ условіяхъ хотя бы на моментъ, то легко себѣ представить продолжающимся по дѣйствию Всемогущества Божія на болѣе продолжительное время. Такое дѣйствіе будетъ уже для насъ не противоестественнымъ, а только сверхъестественнымъ, законы природы имъ не нарушаются, а Богъ пользуется ими для своихъ промыслительныхъ цѣлей. Случай летаргіи, когда мнимо умершаго зарываютъ въ землю и онъ продолжаетъ послѣ нѣкоторое время жить, говорятъ о томъ, что человѣкъ при пониженной жизнедѣятельности можетъ сравнительно долгое уже время обходиться безъ нормальнаго количества воздуха. Если это возможно въ естественномъ порядкѣ, то тѣмъ легче подобное событіе представить себѣ въ порядкѣ чудесномъ. Наконецъ, естественные законы, которыми сохраняется жизнь младенца во чреві матери, по существу своему для насъ не менѣе непостижимы и чудесны, тѣмъ пребываніе Іоны во чреві кита. Если Творецъ создалъ такіе законы, по которымъ жизнь одного существа

2. И помолился Иона Господу Богу своему изъ чрева кита

3. и сказалъ: „къ Господу возвалъ я въ скорби моей,—и Онъ услышалъ меня; изъ чрева преисподней я возопилъ,—и Ты услышалъ голосъ мой.

4. Ты свергъ меня въ глубину, въ сердце моря, и потоки окружили меня, всѣ воды Твои и волны Твои проходили надо мною.

5. И я сказалъ: отринуть я отъ очей Твоихъ, однако я опять увижу святыи храмъ Твой.

6. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; мор-

скою травомъ обвита была голова моя.

7. До основанія горъ я ниспелъ, земля своими запорами на-вѣкъ заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою изъ ада.

8. Когда изнемогла во мнѣ душа моя, я вспомнилъ о Господѣ, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святаго Твоего.

9. Чтущіе суетныхъ и ложныхъ боговъ оставили Милосердаго своего,

10. а я гласомъ хвалы принесу Тебѣ жертву; что обѣщаль, исполню. У Господа спасеніе!“

сохраняется во чревѣ другого цѣлыя мѣсяцы, то не въ Его ли власти направить и сочесть эти законы такъ, чтобы жизнь человѣка во чревѣ рыбы сохранить три дня.

2—10 ст. Молитва пр. Ионы изъ чрева кита даетъ весьма много поводовъ для возраженій противъ ея подлинности. Обращаютъ вниманіе на то, что она по частямъ сходна съ различными мѣстами изъ псалмовъ и отсюда заключаютъ о ея компилятивномъ характерѣ и на этомъ основаніи относятъ ея происхожденіе ко времени упадка еврейской письменности. Дѣйствительно, сходство молитвы Ионы съ псалмами несомнѣнно: 3 ст. напоминаетъ 7 ст. XVII пс. и 1-ый СХІХ-го; 4 ст.—3 ст. LХVІІІ-го; 5 ст.—23, XXX-го; 6 ст.—5 и 6, XVII-го пс. 15—16 ст. LХVІІІ-го пс., 7 ст.—16—17, XVII пс.; 8 ст.—4—7, СХLІІ-го пс. Но можно ли изъ этого вывести, что молитва Ионы — позднѣйшая компиляція? Не болѣе ли естественно думать, что Иона во чревѣ кита выражалъ свои чувства знакомыми ему образами псалмовъ, ибо переживаемое имъ состояніе не позволяло ему предаться творчеству. Онъ бралъ изъ псалмовъ не фразы и слова, какъ это дѣлалъ бы компиляторъ, а образы и картины, при чемъ такіе, которые къ его состоянію подходили даже болѣе, чѣмъ къ состоянію псалмопѣвца (таковы всѣ картины водныхъ опасностей).

Затѣмъ указываютъ на то, что молитва Ионы по своему содержанію будто не подходитъ къ переживаемому Ионою душевному состоянію; главный ея мотивъ — благодареніе за спасеніе, между тѣмъ Иона изъ чрева кита долженъ былъ не благодарить, а молить Бога объ избавленіи отъ смертной опасности. Объясняютъ это тѣмъ, что она такъ неудачно была составлена какииъ то позднѣйшимъ лицомъ. Но вѣдь, кромѣ благодаренія, въ молитвѣ Ионы есть и изображеніе водныхъ опасностей (4, 6—7 ст.) и вопль къ Богу о спасеніи въ переживаемомъ бѣдствіи (3, 5, 8 ст.), словомъ все то, что считается необходимымъ для молитвы, чтобы быть ей естественной въ устахъ Ионы; только все это въ молитвѣ изображено какъ моменты уже прошедшіе. Пророкъ главный трепетъ за свою жизнь пережилъ тогда, когда брошенный въ море все бодѣе и болѣе погружался въ бездну, сходилъ къ основанію горъ, точно во адъ, чувствовалъ, какъ морская трава обвивала его голову, а вода стала доходить какъ бы до души его и тутъ онъ молилъ Бога объ избавленіи отъ смерти. Когда же его проглотила рыба и онъ продолжалъ жить въ ней по дѣйствию всемогущества Божія, онъ начиналъ чувствовать себя уже спасеннымъ Богомъ; гдѣ и какъ его Богъ хранилъ, онъ этого, вѣроятно же всего, не зналъ тогда, а только чувствовалъ, что онъ живъ, спасенъ отъ смерти, надѣялся, что Богъ до конца его избавитъ („я опять увижу святой храмъ Твой“) и поэтому въ молитвѣ уже благодарилъ Его. Такимъ образомъ мы видимъ, что молитва Ионы по своему содержанію вполне подходила къ переживаемому пр. Ионою душевному состоянію. Главный ея предметъ — изображеніе пребыванія Ионы въ тѣснотѣ скорби и его спасенія. Этотъ предметъ развивается въ молитвѣ въ строгой послѣдовательности. Сначала въ ней правнливо чередуются картины

11. И сказалъ Господь киту, и онъ извергъ Иону на сушу.

ГЛАВА 3-я.

1. И было слово Господне къ Ionу вторично: | родъ великій и проповѣдуй въ ней, что Я повелѣлъ тебѣ“.

2. „встань, иди въ Ниневію—го- | 3. И всталъ Иона и пошелъ въ

вѣшнихъ опасностей пророка (4, 6, 7а) и описанія нережитого имъ въ это время душевнаго состоянія (3, 5, 7в—8), а заканчивается она (9—10) благодареніемъ за спасеніе, которое пророкъ почувствовалъ еще во чревѣ кита. Она дѣлится на четыре строфы по 2 ст. въ каждой и построена по законамъ стихотворнаго параллелизма, при чемъ стихи, въ которыхъ описывается вѣшнее положеніе пророка, написаны параллелизмомъ синтетическимъ, а изображающіе его душевное состояніе параллелизмомъ антитетическимъ. Отсюда видно, что молитва Ионы по своему логическому построенію и литературной формѣ представляетъ собою стройное и органически-связное цѣлое. Своимъ картиннымъ языкомъ она, какъ поэтическое произведеніе, существенно отличается отъ остальныхъ частей книги, содержащихъ историческій рассказъ.

11 ст. „И сказалъ Господь киту и онъ извергъ Иону на сушу“. Мѣсто, гдѣ былъ выброшенъ Иона, въ текстѣ не указывается, но по связи этого стиха съ началомъ III-ей главы ближе всего здѣсь нужно разумѣть палестинскій берегъ Средиземнаго моря.

III.

(1—3 ст.) Вторичное посольство Ионы въ Ниневію (4—10 ст.) и покаяніе Ниневитянъ

1—2 ст. О вторичномъ посольствѣ Ионы въ Ниневію говорится тѣми же словами, какими говорилось и о первомъ (I, 1—2 ст.), можно думать, что это второе „слово Господне къ Ionу“ было дано въ той же формѣ, что и первое (см. замѣчаніе къ 2 ст. I гл.). Содержаніе проповѣди пророка въ Ниневіи вторично не указывается, а дѣлается ссыла на прежде бывшее объ этомъ повелѣніе Божіе: „проповѣдуй въ ней, что я повелѣлъ тебѣ“ (см. зам. къ 2 ст. I гл.).

3 ст. „И всталъ Иона, и пошелъ въ Ниневію, по слову Господню“. Пророкъ послушался вторичнаго голоса Іеговы потому, что предшествовавшія событія (буря на морѣ, павшій на него жребій, поглощеніе и изверженіе китомъ) были для него знаменіями, убѣждавшими его въ истинности и непреложности получаемаго имъ откровенія.

„Ниневія былъ городъ великій у Бога, на три дня ходьбы“. На основаніи приведенныхъ словъ часто дѣлаютъ заключеніе о позднѣйшемъ происхожденіи книги пр. Ионы. Употребленная здѣсь прошедшая форма глагола: „былъ городъ великій“ указываетъ, говорятъ, на то, что во время написанія книги Ионы Ниневія уже не существовала, иначе о ней сказано было бы въ настоящемъ времени, какъ напр. въ X, 12 ст. Быт. Затѣмъ самое замѣчаніе о иелчннѣ города будто бы совершенно лишнее для современниковъ Ионы, которые и безъ того прекрасно знали о Ниневіи и вполне умѣстно только въ устахъ писателя, жившаго послѣ ея паденія. Относительно прошедшей формы глагола слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь употреблена форма, такъ называемая *praeteritum*. Она выражаетъ мысль о дѣйствительномъ существованіи предмета въ описываемое прошедшее время безъ всякаго отношенія къ настоящему, поэтому этой формой прошедшаго несколько не исключается существованіе Ниневіи въ моментъ написанія книги. Она употреблена лишь въ соответствіи съ такой же формой другихъ глаголовъ, относящихся къ тому же событію, поэтому все это мѣсто можно передать такъ: всталъ Иона и пошелъ въ Ниневію и оказалась, что это великій городъ. Описывать величину Ниневіи для современниковъ Ионы, изъ которыхъ большинство не видѣло этого города, а нѣкоторые мо-

Ниневію по слову Господню; Ниневія же была городъ великій у Бога, на три дня ходьбы.

4. И началъ Іона ходить по городу, сколько можно пройти въ одинъ день, и проповѣдывалъ, говоря: „еще сорокъ дней,—и Ниневія будетъ разрушена!“

Жетъ быть не знали его и по мнени, также естественно, какъ въ наше время описывать различные большіе города. Заключать на этомъ основаніи, что Ниневія въ моментъ описанія не могла существовать, можно только выходя изъ предубѣжденнаго взгляда. Прямое указаніе на то, что княга Іоны написана была до разрушенія Ниневіи, мы найдемъ въ книгѣ Товита, XIV, 8 ст., гдѣ Товитъ уговариваетъ сына своего Товію оставить Ниневію, „ибо Ниневія будетъ разрушена, какъ говорилъ пр. Іона“. Очевидно израильскіе плѣнники въ Ассиріи думали, что пророчество Іоны о гибели Ниневіи (III, 4 ст.) только отсрочено по причинѣ покаянія города и въ свое время, видя крайнее развращеніе Ассиріянъ, ждали его исполненія. Во всякомъ случаѣ съ книгой пр. Іоны они были знакомы задолго до паденія Ниневіи.

Замѣчаніе о величинѣ Ниневіи дополнено словами „у Бога“. Этимъ писатель хотѣлъ опредѣлить положеніе Ниневіи въ отношеніи къ Богу, сказать, что она была велика въ очахъ Божіихъ, передъ Богомъ, значить въ ней была какая то нравственная мощь и величіе. Цѣль такого замѣчанія могла быть та, чтобы въ глазахъ израильскихъ читателей напередъ оправдать описанное ниже (III, 10; IV, 11) отъиженіе Іеговою опредѣленія о гибели Ниневіи.

Величина города Ниневіи въ 3-емъ ст. опредѣляется словами: „на три дня пути“. День пути, т. е. разстояніе, какое можно пройти въ продолженіе одного дня, у древнихъ народовъ, по свидѣтельству Геродота, опредѣлялось въ 160—200 стадій, на наши мѣры длжны—25—30 верстѣ. Такимъ образомъ разстояніе пути 3-хъ дней будетъ равняться 75—90 верстаѣ. Для опредѣленія величины городовъ, мѣстностей обычно берется ихъ окружность, поэтому нужно думать, что и въ данномъ мѣстѣ словами „три дня пути“ опредѣляется окружность Ниневіи, а не протяженіе въ длину. Если мы возьмемъ для Ниневіи площадь окружностью около 80 верстѣ и въ діаметрѣ менѣе 30, то это будутъ тѣ самые размѣры, которыми измѣряется величина Ниневіи у многихъ древнихъ писателей: Страбона, Геродота, Діодора Сицилійскаго, Ксенофонта. Значить, данныя о Ниневіи въ книгѣ Іоны находятся въ согласіи со свидѣтельствами другихъ историческихъ памятниковъ и не содержатъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, какъ это стараются представить тѣ, кто выраженіе „три дня пути“ понимаетъ въ смыслѣ опредѣленія длины Ниневіи. Нужно имѣть въ виду еще, что Ниневія была одной изъ самыхъ древнихъ городовъ міра, что строители ея—Нимродъ по Библии (Вт. X, 10—11 ст.) или Нунъ по гражданской исторіи имѣли намѣреніе построить выдающійся по размѣрамъ и великолѣпнй городъ, затѣмъ, что въ древности города застраивали не сплошь, а въ чертѣ города на случай осады оставляли значительную площадь подъ пастбищами и пашнями, чтобы совершенно не удивиться величинѣ города по описанію кн. Іоны. Новѣйшія раскопки развалинъ Ниневіи на лѣвомъ берегу Тигра, близъ селенія Мозуля, еще разъ подтверждаютъ показанія кн. Іоны.

4 ст. „И началъ Іона ходить по городу, сколько можно пройти въ одинъ день“.... Приведенныя слова не указываютъ на то, что Іона шелъ въ одномъ направленіи и прошелъ въ длину города разстояніе одного дня (изъ 3-ехъ) пути. Еврейское выраженіе точнѣе слѣдуетъ передать: „и исходилъ Іона по городу“ значить не въ прямомъ направленіи, а какъ того требовала проповѣдь. Прибавка, „въ одинъ день пути“ такимъ образомъ не стоитъ въ связи съ послѣдними словами 3-го ст. („на три дня ходьбы“) и не относится къ опредѣленію величины Ниневіи, а сдѣлана для того, чтобы показать ревность пророка въ проповѣданіи ниневитянамъ. Останавливаясь съ проповѣдью на площадяхъ, торжищахъ и улицахъ, онъ все же успѣлъ исходить по городу такое разстояніе, какое совершаетъ въ день обычный путникъ.и проповѣдывалъ говоря: еще сорокъ дней и Ниневія будетъ разрушена“. Въ греческомъ, а отсюда и въ славянскомъ переводахъ вмѣсто „сорокъ“ (дней) подлинника стоитъ три.

5. И повѣрили Ниневитяне Богу: и объявили постъ и одѣлись во вретича, отъ большаго изъ нихъ до малаго.

6. Это слово дошло до царя Ниневии,—и онъ всталъ съ престола своего и снялъ съ себя царское облаченіе свое, и одѣлся во вретиче и сѣлъ на пепелъ,

7. и повелѣлъ провозгласитъ и сказать въ Ниневіи отъ имени царя и вельможъ его, „чтобы ни

люди, ни скотъ, ни волю, ни овцы ничего не ѣли, ни ходили на пастбище, и воды не пили,

8. и чтобы покрыты были вретичемъ люди и скотъ и крѣпко вопіяли къ Богу, и чтобы каждый обратился отъ злаго пути своего и отъ насилія рукъ своихъ.

9. Кто знаетъ, можетъ быть, еще Богъ умилосердится и отвратитъ отъ насъ пылающей гнѣвъ Свой, и мы не погибнемъ“.

Такое чтеніе слѣдуетъ признать ошибочнымъ, потому что невѣроятно, чтобы всѣ событія III и IV главъ: проповѣдь Ионы ниневитянамъ, ихъ раскаяніе, указъ царя о формахъ покаяннаго траура, ожиданіе Ионой исполненія своего пророчества и отмѣна Вожія опредѣленія о гибели Ниневіи—произошли въ короткій трехдневный срокъ. Вѣроятнѣе всего что и LXX читали въ еврейскомъ и перевели не *три*, а *сорокъ*, но позднѣйшіе переписчики букву „ц“, обозначающую сорокъ, по ошибкѣ замѣнили сходною по начертанію букву γ—три.

Проповѣдь Ионы въ Ниневіи, несомнѣнно, нельзя ограничивать однимъ только предсказаніемъ о ея гибели черезъ сорокъ дней. Онъ долженъ былъ обличать злодѣянія ниневитянъ (см. I, 2 ст.) и вмѣстѣ съ тѣмъ указывать на возможность спасенія чрезъ покаяніе. Если бы послѣдняго пророкъ не дѣлалъ, то у ниневитянъ не могло бы и явиться такой надежды (см. 8—9 ст. III гл.), а было бы одно отчаяніе.

Но могъ ли пророкъ Иона проповѣдывать ниневитянамъ, да еще такъ всесторонне и усгѣшно, вѣдь онъ, говорить, не зналъ ихъ языка, не зналъ ихъ жизни, ихъ нравовъ и грѣховъ. Онъ былъ совершенно чуждъ ниневитянамъ и они не могли его понять. Что касается языка, то нужно вспомнить, что ассирійскій языкъ принадлежитъ къ семитическимъ и съ еврейскимъ языкомъ имѣетъ большое сходство, особенно это нужно сказать относительно галилейскаго нарѣчія, на которомъ говорилъ Иона. Отсюда легко себѣ представить, что Иона могъ научиться ассирійскому языку, равнымъ образомъ и образованные изъ ниневитянъ могли понимать еврейскій. Примѣръ знанія евреями ассирійскаго языка, а ассирійцами еврейскаго въ Библии намъ извѣстенъ (см. 4 Цар. XVIII, 26—28). Знаніе же жизни ассиріянъ, нужное для проповѣди, у пророка Ионы легко предположить. Ассирія отстояла отъ границъ Израильскаго царства едва на 200 верстъ и во времена Ионы она вела съ Израилемъ оживленныя политическія и торговыя сношенія. Религія ассиріянъ была сходна съ религіями сосѣднихъ съ Израилемъ ялыческихъ народовъ; грѣхъ ассиріянъ, конечно, имѣли въ себѣ много общечеловѣческаго и о многомъ можно было заключать по внѣшности жителей и города. Поэтому не только Иона, лично бывшій въ Ниневіи, но и пророки, никогда ее не видѣвшіе, знали и живо изображали ея нравственное состояніе (см. Наум. I—III гл.; Соф. II, 13—15).

5—9 ст. Въ означенныхъ стихахъ говорится о покаяніи ниневитянъ по проповѣди пророка. Противники исторической подлинности книги пр. Ионы весь этотъ рассказъ считаютъ невѣроятнымъ. Невѣроятно будто бы, чтобы дѣлбый громадный городъ обратился къ раскаянію по проповѣди одного человѣка, никому до сихъ поръ неизвѣстнаго, участіе въ этомъ царя и изданіе особаго указа также, говорятъ, невѣроятно; невѣроятными считаются и тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ выразилось покаянное чувство ниневитянъ. Приведенное возраженіе въ значительной степени покоится на субъективномъ чувствіи вѣроятнаго и невѣроятнаго и по самому существу своему оно не особенно сильно. Вѣдь очень часто бываетъ, что дѣйствительность превосходитъ нашъ представленія о вѣроятномъ. Между тѣмъ въ рассказѣ пр. Ионы нѣтъ ничего превосходящаго всякое вѣроятіе. Случай вліянія отдѣльныхъ лицъ на массы народа, когда эти массы заражаются общимъ настроеніемъ, доходящимъ до энтузіазма и повинуются буквально

10. И увидѣлъ Богъ дѣла ихъ, | ствіи, о которомъ сказалъ, что на-
 что они обратились отъ злаго пути | ведеть на нихъ, и не навель.
 своего, и пожалѣлъ Богъ о бѣд- |

ГЛАВА 4-я.

1. Иона сильно огорчился этимъ | моею? Потому я и побѣждалъ въ
 и былъ раздраженъ. | Фарсисъ, ибо зналъ, что Ты—Богъ

2. И молился онъ Господу и ска- | благой и милосердый, долготерпѣ-
 залъ: „о, Господи! не это ли гово- | ливый и многомилостивый, и со-
 рилъ я, когда еще былъ въ странѣ | жалѣешь о бѣдствіи.

каждому слову того, кто сумѣлъ стать во главѣ движенія—извѣстны каждому (напри-
 мѣръ вдохновеніе французовъ на борьбу Жанною Даркъ, возбужденіе народныхъ массъ
 къ крестовымъ походамъ Петромъ Пустынникомъ и др.). Почему этого явленія, столь
 согласнаго съ психологіей массъ, не могло случиться въ Ниневіи? Впечатлительность
 восточнаго народа, усиленная въ ниневитянахъ изнѣженностью и роскошью, ихъ высокое
 уваженіе къ мантикѣ, вѣра во всякаго рода прорицанія—создавали благоприятную почву
 къ тому, чтобы они отозвались на вдохновенную проповѣдь и страшное пророчество чуже-
 земнаго пророка. Особенно сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести на ниневитя-
 нъ рассказъ Ионы о своемъ трехдневномъ пребываніи во чревѣ кита; въ этомъ чудѣ
 они увидѣли для себя знаменіе божественнаго посольства пророка и истинности его
 проповѣди, какъ на это указываетъ евангеліе: „Иона былъ знаменіемъ для ниневитянъ“
 (Лк. XI, 30—1; Мф. XII, 40). Можетъ быть они даже сопоставили его рассказъ съ
 распространенными у нихъ мифами объ Ба-Оаннесѣ, выходящемъ изъ моря, чтобы учить
 людей почитанію боговъ и святой жизни; въ такомъ случаѣ вдохновенный Иона съ гроз-
 нымъ обличеніемъ и властною рѣчью могъ показаться имъ самимъ Оаннесомъ (за это
 говорило и созвучіе именъ). Такимъ образомъ всеобщее покаяніе въ Ниневіи по слову
 пророка—фактъ весьма вѣроятный. Участіе въ этомъ дѣлѣ Ниневійскаго царя и изда-
 ніе имъ особаго указа не уменьшаетъ исторической вѣроятности факта. Царь Ниневіи
 вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и верховнымъ жрецомъ, а его вельможи занимали слѣдующія за
 нимъ іерархическія должности, поэтому ихъ участіе въ охватившемъ народъ религіозномъ
 подъемѣ было неизбежно. Что касается формъ покаянія, то тутъ вызываетъ недоумѣніе
 привлеченіе къ этому домашнихъ животныхъ. Древніе люди ближе стояли къ животному
 міру и думали, что и сами животныя могутъ принимать участіе въ ихъ жизни, поэтому
 дѣлили съ ними и печаль и радость. Геродотъ, напр., рассказываетъ, что персы послѣ
 битвы при Платеѣ, когда палъ ихъ полководецъ Масистъ, въ знакъ траура остригли
 волосы всѣмъ животнымъ въ лагерѣ; то же самое и въ разбираемомъ нами мѣстѣ.
 (7—8). Эта подробность можетъ быть отмѣчена только, какъ глубоко правдивая исто-
 рическая черта. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что историческая достоверность по-
 каянія ниневитянъ по проповѣди Ионы удостовѣрена евангеліемъ. Спаситель сказалъ,
 что „ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ снмъ и осудятъ его; ибо они *покая-*
лись отъ проповѣди Иониной“ (Лк. XI, 32). Очевидно Спаситель и его современ-
 ники считали покаяніе ниневитянъ дѣйствительнымъ событіемъ, въ противномъ случаѣ
 ссылка на нихъ не имѣла бы значенія.

IV.

(1—4). Огорченіе пр. Ионы по случаю помилованія Ниневіи. (5—11). и вразумленіе его Богомъ.

1—4. Начало IV главы стоитъ въ тѣсной связи съ послѣдними словами пред-
 шествующей: „*пожалѣлъ Богъ о бѣдствіи... и не навель*“ (III, 10) его на Ни-
 вевію; объ этомъ пр. Иона узналъ, вѣроятно, потому, что для города благополучно

3. И нынѣ, Господи, возьми душу мою отъ меня, ибо лучше мнѣ умереть, нежели жить“.

4. И сказалъ Господь: „неужели это огорчило тебя такъ сильно?“

5. И вышелъ Иона изъ города и сѣлъ съ восточной стороны у города, и сдѣлалъ себѣ тамъ кущу и сѣлъ подъ нею въ тѣни, чтобъ увидѣть, что будетъ съ городомъ.

6. И произрастилъ Господь Богъ растеніе, и оно поднялось надъ Ионою, чтобы надъ головою его была тѣнь и чтобъ избавить его отъ огорченія его; Иона весьма обрадовался этому растенію.

7. И устроилъ Богъ такъ, что на другой день при появленіи зари

червь подточилъ растеніе, и оно засохло.

8. Когда же взошло солнце, навелъ Богъ знойный восточный вѣтеръ, и солнце стало палить голову Ионы, такъ-что онъ изнемогъ и просилъ себѣ смерти и сказалъ: „лучше мнѣ умереть, нежели жить“.

9. И сказалъ Богъ Ионѣ: „неужели такъ сильно огорчился ты за растеніе?“ Онъ сказалъ: „очень огорчился, даже до смерти“.

10. Тогда сказалъ Господь: „ты сожалѣешь о растеніи, надъ которымъ ты не трудился и котораго не растилъ, которое въ одну ночь выросло и въ одну же ночь и пропало:

истекъ сорокадневный срокъ и вотъ онъ „сильно огорчился этимъ и былъ раздраженъ“ (IV, 1). Что Иона огорчился не инымъ чѣмъ, а именно помилованіемъ язычниковъ — ниневитянъ, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія его молитва. Въ ней онъ говоритъ, что случилось то самое, чего онъ опасался, когда еще былъ въ своей странѣ, почему и бѣжалъ въ Варсенъ. „ибо зналъ, что ты Богъ благій и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалѣешь о бѣдствіи“ (2 ст.). Такимъ образомъ пр. Иона въ концѣ книги предсталъ предъ нами тѣмъ же, каковыи мы его видѣли въ началѣ: не желающимъ спасенія язычникамъ и даже ропщущимъ на милостивый о нихъ судъ Божій, какъ будто всѣ знаменія прошли для него безслѣдно и его послушаніе Иеговѣ не было убѣжденіемъ его души. Теперь онъ сознаетъ себя правымъ въ своихъ мысляхъ о язычникахъ, а Бога не по правдѣ къ нимъ милостивымъ и не будучи въ состояніи пережить этого несогласія просить у Бога себѣ смерти: „и нынѣ, Господи, возьми душу мою; ибо лучше мнѣ умереть нежели жить“ (3 ст.). Этотъ возвратъ къ національнымъ еврейскимъ мыслямъ и чувствамъ произошелъ у пр. Ионы, можетъ быть, потому, что онъ лично въ Ниневіи увидѣлъ всю неизмѣримую глубину нравственнаго развращенія язычниковъ, а плодовъ покаянія или не замѣчалъ, или не вѣрилъ ихъ искренности и прочности. Какъ человѣкъ впечатлительный и всегда искренній, не умѣвшій ничего дѣлать на половину, а всякому чувству отдававшійся всецѣло, Иона выражаетъ свой протестъ противъ помилованія недостойныхъ, по его мнѣнію, язычниковъ въ самой рѣзкой формѣ. Въ данномъ случаѣ онъ можетъ быть подражалъ пр. Илїн, котораго могъ знать лично, когда тотъ тоже просилъ себѣ смерти, если Богъ не хочетъ истребить отступившихъ отъ Него израильтянъ (3 Цар. XIX, 3—14).

5 ст. Иона вѣроятно надѣялся, что его молитва, выражающая возмущеніе помилованіемъ Ниневіянъ, будетъ Богомъ услышана и горадь, хотя съ запозданіемъ (не черезъ 40 дней), но все же будетъ наказанъ. Поэтому онъ вышелъ изъ города и сѣлъ съ восточной стороны его, „чтобы увидѣть, что будетъ съ городомъ“.

6—11 ст. Прежде чѣмъ вразумить Иону по поводу его ропота на милосердіе Божіе къ ниневитянамъ, Богъ заставилъ его самого почувствовать жалость къ растенію, выросшему надъ его головою. Затѣмъ сказалъ, что если ему жаль засохшаго растенія, то не больше ли жалостя и милосердія заслуживаетъ горадь, въ которомъ находится больше ста тысячъ инъ въ чѣмъ неповинныхъ дѣтей. Этотъ простой самъ по себѣ расказъ вызываетъ затрудненіе лишь неясностью, какъ понимать произрастеніе и увяданіе растенія надъ головою Ионы, считать ли это явленіемъ естественнымъ или чудомъ. На чудесный характеръ явленія указываетъ какъ будто то, что это растеніе неестественно

11. Мнѣ ли не пожалѣть Нине- | вѣкъ, не умѣющихъ отличить пра-
 вий, города великаго, въ которомъ | вой руки отъ лѣвой, и множество
 болѣе ста двадцати тысячь чело- | скота?“

быстро выросло и увяло („въ одну ночь выросло и въ одну же ночь и пропало“) и затѣмъ въ этомъ случаѣ неоднократно отмѣчается непосредственное участіе Божіе („устроилъ Богъ такъ...“ „пронравилъ Господь...“). Однако эти данныя не имѣютъ рѣшительнаго характера; въ Библии часто и о естественныхъ явленіяхъ говорится, что они происходятъ по волѣ Божіей, вбо по религиозному сознанію все въ мірѣ совершается по дѣйствию Божію (Мф. X, 30; см. замѣч. на 4 ст. I гл.). Выраженіе 10 ст. о быстромъ ростѣ растенія, „которое въ одну ночь выросло и въ одну же ночь и пропало“ нѣтъ необходимости понимать съ буквальной точностью, оно могло быть употреблено гиперболически для выраженія мысли о ничтожности растенія сравнительно съ человѣческой жизнью (Исх. XL, 6; Пс. CIII, 15 ст.). На естественный характеръ явленія указываетъ какъ будто то, что писатель говоритъ при этомъ о различныхъ естественныхъ факторахъ, совершающихъ то или другое дѣйствіе: червь подтачиваетъ растеніе, отъ знойнаго восточнаго вѣтра оно засыхаетъ. Затѣмъ, чудо не предполагается самымъ ходомъ разсказа: для вразумленія пророка оно было не нужно, и при естественномъ порядкѣ онъ также научался состраданію, какъ и при чудесномъ. Растеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, въ еврейской текстѣ обозначено словомъ *kijkajon*, которое обычно производится отъ египетскаго *kjkj*. Возможно, что съ этимъ растеніемъ евреи познакомились еще въ Египтѣ, поэтому, встрѣтивъ его у себя на родинѣ, назвали его словомъ, передѣланнымъ изъ египетскаго. Это растеніе описываютъ Городотъ, Плиій и бл. Иеронимъ. Всѣ они согласно говорятъ, что оно имѣетъ травянистый стебель, широкія листья, достигаетъ высоты 8—12 футовъ, быстро растетъ и увядаетъ. Такимъ образомъ это не тыква и не плушь, какъ это значитъ въ славянскомъ и латинскомъ переводахъ, а особое растеніе, называемое въ ботаникѣ *palma Christi*.

II. Тычиникъ